

Александров Кирилл Михайлович

**БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА ОДЕРСКОМ ПЛАЦДАРМЕ "ЭРЛЕНГОФ" 13-14 АПРЕЛЯ 1945 Г.:
ПОСЛЕДНИЕ ЗАЛПЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ?**

В статье описан малоизвестный бой южнее Франкфурта-на-Одере 13-14 апреля 1945 г., в котором на исходе войны с двух сторон сражались советские граждане: воины 1-го Белорусского фронта против военнослужащих 1-й пехотной дивизии власовской армии. Основное внимание автор акцентирует на целях операции, силах сторон, характере и результатах вооруженной борьбы, закончившейся победой защитников плацдарма, восстановлением положения и прекращением атак противника.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/4-1/1.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2011. № 4 (10): в 3-х ч. Ч. I. С. 10-16. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 94(47).084.8

В статье описан малоизвестный бой южнее Франкфурта-на-Одере 13-14 апреля 1945 г., в котором на исходе войны с двух сторон сражались советские граждане: воины 1-го Белорусского фронта против военнослужащих 1-й пехотной дивизии власовской армии. Основное внимание автор акцентирует на целях операции, силах сторон, характере и результатах вооруженной борьбы, закончившейся победой защитников плацдарма, восстановлением положения и прекращением атак противника.

Ключевые слова и фразы: 1-й Белорусский фронт; Одер; плацдарм «Эрленгоф»; 33-я армия; 119-й укрепленный район; власовская армия; Русская освободительная армия; 1-я пехотная дивизия; «Апрельская погода»; Буняченко; Холодков; Фюрстенвальде.

Кирилл Михайлович Александров, к.и.н.

Энциклопедический отдел

*Институт филологических исследований Санкт-Петербургского государственного университета
aleksandrov_k@inbox.ru*

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА ОДЕРСКОМ ПЛАЦДАРМЕ «ЭРЛЕНГОФ» 13-14 АПРЕЛЯ 1945 Г.: ПОСЛЕДНИЕ ЗАЛПЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ?®

Кровопролитный бой на Одере 13-14 апреля 1945 г., в котором, по свидетельству немецкого очевидца, русские сражались с русскими [25, S. 3], стал исключительным и драматическим эпизодом вооруженной борьбы на протяжении последнего военного месяца в Европе. Зарубежные ученые, касавшиеся в своих исследованиях истории власовской армии, как правило, лишь кратко упоминали о нем [20, p. 71-72; 22, p. 655-656; 23, p. 99; 27, p. 381]. Боевую операцию «Апрельская погода» («Aprilwetter»), проводившуюся противником на одерском плацдарме, впервые описали С. А. Ауски и И. Хоффманн [21, S. 77-81; 24, S. 179-192]. К сожалению, известные нам публикации российских историков на эту тему оставляют желать лучшего [9, с. 96; 12, с. 161-162], а некоторые авторы при изложении своей версии событий в полной мере дают простор фантазии [11, с. 271-276]. Новые документы и материалы, в первую очередь из фондов ЦАМО, позволяют подробно и реалистично рассмотреть бой на Одере с разных сторон.

Во второй половине февраля 1945 г. 1-я пехотная дивизия Вооруженных сил Комитета освобождения народов России (*Streitkräfte des Komitees zur Befreiung der Völker Rußlands*), как официально называлась власовская армия, завершила формирование на учебном полигоне Вермахта в Мюнзингене (Вюртемберг, юго-восточнее Штуттгарта). С 10 ноября 1944 г. дивизией командовал кадровый полковник Красной армии Сергей Кузьмич Буняченко, бывший командир 389-й стрелковой дивизии и 59-й отдельной стрелковой бригады (на 1942 г. - 9-я армия Северной группы войск Закавказского фронта).

Сын украинского бедняка-землероба Буняченко подал рапорт в РОА 7 мая 1943 г. в лагере военнопленных. 28 июня 1945 г. на допросе в Главном управлении контрразведки «СМЕРШ» он так объяснил следователю мотивы своего поступка: «Пошел в РОА в силу своего враждебного отношения к советской власти, а тяжелые условия (плена - К. А.) были лишь внешним фактором, в 1937 г. был исключен из ВКП(б). Был не согласен с политикой ВКП(б) по коллективизации и высказался на партсобрании <...> Исключение из партии, несогласие с политикой коллективизации, осуждение в 1942 г. военным трибуналом к расстрелу, которое я считал несправедливым, вызвали у меня враждебное отношение к советской власти, и толкнули на добровольное вступление в РОА» [19, т. 25, л. 23]. В 1943-1944 гг. Буняченко служил в Восточных войсках Вермахта, имел боевые награды за отличия, а 27 февраля 1945 г. был произведен генерал-лейтенантом А. А. Власовым в генерал-майоры [2, с. 218-229].

1-я пехотная дивизия числилась по номенклатуре Вермахта как 600-я пехотная (иностранная, русская): *600. Infanteriedivision (Fremd, russische)*. Накануне отправки из Мюнзингена на Восточный фронт дивизия (около 13 тыс. человек) насчитывала в своем составе 3 пехотных полка, включавших по 2 пехотных батальона и 2 отдельных роты (противотанковая и тяжелого оружия), а также другие подразделения, кроме того - отдельный разведывательный дивизион, включавший танковую роту, запасной танковый батальон, истребительно-противотанковый артиллерийский дивизион, артиллерийский полк и полк снабжения, отдельный саперный батальон, отдельный батальон связи, учебно-запасной батальон. В каждый пехотный батальон входили: штаб, взвод снабжения, рота тяжелого оружия и 3 пехотных роты по 135 военнослужащих (рота - 3 пехотных взвода и взвод тяжелых пулеметов в количестве двух пулеметных расчетов). На вооружении дивизии состояли 12 тяжелых полевых гаубиц (150 мм), 42 легких полевых пушки (75 мм), 6 тяжелых и 29 легких орудий (155 мм и 105 мм полевые гаубицы), 31 противотанковое орудие (75 мм, PaK 40), 10 зенитных пушек (37 мм), 79 тяжелых и средних гранатометов, не менее 36 минометов 82 мм и 24 минометов 120 мм, 536 станковых и ручных пулеметов (в основном MG 34 и MG 42), 222 противотанковые реактивные ракетные установки (88 мм), 20 огнеметов (*Flw 41*), 10 самоходных установок (*Jagdpanzer 38(t)*), 7 танков

Т-34/76, а также личное огнестрельное оружие, представленное в значительном числе новыми штурмовыми винтовками MP 43/44 (SG 43) [1, с. 50, 52; 2, с. 996-997; 4, Вл. 84; 19, т. 4, л. 163; 24, S. 64-67].

22-24 марта 1945 г. дивизия без эксцессов погрузилась на станциях Эрланген и Форхгайм (25 км севернее Нюрнберга) и 26 марта благополучно прибыла на станцию Либерозе (25 км севернее Коттбуса), в 30 км от линии фронта, проходившей по рекам Одер и Нейссе. Для переброски дивизии потребовалось 34 эшелона. Станция находилась в полосе группы армий «Висла» генерал-полковника Г. Хейнрици. Вечером 26 марта в Либерозе произошел острый конфликт между Буняченко и начальником дивизионного отдела пропаганды капитаном Н. А. Нарейкисом (Троицким). Интеллигентный Нарейкис сильно контрастировал с грубым Буняченко, но конфликт между ними произошел не только из-за несходства характеров. Нарейкис знал, что дивизии предстоит бесперспективная наступательная операция и пытался убедить своего командира предварить ее пропагандистским воздействием на войска Красной армии. Но Буняченко решил, что начальник отдела пропаганды отказывается от выполнения задания, и приказал его арестовать, назначив на освободившуюся должность майора И. С. Боженко. При этом Буняченко произнес знаменитую фразу: «Меня били, и я бить буду!» [1, с. 128]. Нарейкиса освободили по приказу Власова, спустя неделю приехавшего на фронт.

После рассмотрения разных вариантов генерал Хейнрици решил использовать власовцев на участке 9-й армии генерала пехоты Т. Буссе. 28-29 марта дивизия Буняченко прибыла на учебный полигон «Курмарк» во вторую линию 391-й охранной дивизии генерал-лейтенанта Зикениуса (V горнопехотный корпус СС). Штаб власовцев разместился в населенном пункте Гросс-Мукров. Части дивизии приступили к инженерному обеспечению линии позиций в монастырском лесу Нейцелле (отрезок Лесков - Грос-Мукров - Райхерскрейц - Кейсельвитц), в 10-12 км от линии фронта, занятой батальонами 391-й дивизии Вермахта. Оборона строилась на системе перекрестного огня. Возводились полевые укрепления для противотанкового оружия, отрывались щели для гранатометчиков, создавались площадки для противотанковой, полковой и дивизионной артиллерии, минометов. Все поле перед позициями было разбито на квадраты, расстояние между целями измерено [4, Вл. 87-88; 14, с. 345]. Прифронтная полоса, где окапывались власовцы, находилась к югу от Франкфурта-на-Одере, между Франкфуртом и Фюрстенбергом. В первых числах апреля дивизию посетил Власов и осмотрел оборудованные позиции.

6 апреля Буняченко получил приказ из штаба 9-й армии: его дивизии предлагалось ликвидировать один из двух советских плацдармов, захваченных на Одере в ходе Висло-Одерской наступательной операции зимой 1945 г. «Малый» плацдарм «Эрленгоф» («Erlenhof»), который предстояло атаковать власовцам, находился на западном берегу реки Одер и представлял укрепление полевого типа - 3 км по фронту и на максимально выдававшемся участке в глубину 1,4 км. Связь с восточным берегом поддерживалась при помощи лодочной переправы. Плацдарм удерживался 2-й и 4-й ротами 415-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона, входившего в состав 119-го укрепленного района (УР) 33-й армии генерал-полковника В. Д. Цветаева (1-й Белорусский фронт). В последних числах марта 119-й УР вышел из оперативного подчинения 61-й армии генерал-полковника П. А. Белова и передислоцировался на левый фланг 1-го Белорусского фронта, заняв оборону на Одере [16, д. 97, л. 46-47]. Командовал 119-м укрепленным районом генерал-майор Г. В. Лихов, в подчинении которого к 6 апреля находились 401-й, 16-й, 399-й, 370-й, 415-й и 356-й отдельные пулеметно-артиллерийские батальоны, 538-й армейский минометный полк и полк 142-й армейской пушечно-артиллерийской бригады [Там же, д. 89, л. 6-8]. Две стрелковые роты 415-го батальона подполковника И. И. Холодкова, защищавшие плацдарм, имели мощное прикрытие своей артиллерии с восточного берега Одера, а кроме того - ручные, станковые пулеметы, артиллерийский дивизион из батарей 45 мм и 76 мм орудий. Плацдарм был оборудован траншеями полного профиля, ходами сообщений, огневыми точками.

Командир 1-го полка дивизии Буняченко полковник А. Д. Архипов - в прошлом офицер-марковец Русской армии и чин РОВС - рассматривал участок грядущей операции как сложный. Атака советских позиций в лоб по трехкилометровому фронту была невозможна: советский и немецкий передний край разделяла излучина, залитая в весеннее половодье водой глубиной до двух метров. Атаковать власовцы могли лишь силами одной-двух рот вдоль Одера, с южного фланга - со стороны Фюрстенберга, с северного - со стороны Франкфурта-на-Одере. В первом случае фронт атаки составлял 520 метров, а во втором - всего 104 метра. В обоих случаях атакующие подставляли себя под огонь мощной артиллерии с восточного берега, который ничем не могли парировать. Саму идею такого штурма Архипов охарактеризовал кратко: «Безумие» [4, Вл. 89].

Командир V горнопехотного корпуса СС обергруппенфюрер Ф. Еккельн держал на участке советского плацдарма 8 пехотных батальонов в первой линии и 2 в резерве (подразделения 32-й добровольческой гренадерской дивизии СС «30 января», боевой группы «Хандер» и 391-й охранной дивизии) [16, д. 89, л. 6]. Непосредственно перед плацдармом «Эрленгоф» позиции занимал 1233-й полк (юнкерский полк «Потсдам») подполковника Ф. В. фон Нотца, входивший в 391-ю дивизию. За два месяца боев защитники плацдарма отразили все атаки противника, но юнкерам Нотца удалось его плотно окружить и блокировать. К моменту прибытия власовцев здесь сложилась патовая ситуация [25, S. 1]. 9 апреля из штаба Буссе возвратился Власов и подтвердил боевую задачу. Не позднее 11 апреля он покинул дивизию, обсудив предварительно с Буняченко подробности предстоящего боя, и возвратился в Карлсбад для проведения эвакуации на юг Германии гражданских учреждений КОНР.

По некоторым свидетельствам, в частях дивизии перед штурмом плацдарма особого волнения не отмечалось. Мысль о неизбежном вооруженном столкновении со своими соотечественниками не вызывала особых эмоций и переживаний. Писарь транспортного отделения штаба дивизии рядовой Н. А. Чикетов в

1994 году в беседе с автором сообщил: «Настроение у всех было какое-то... равнодушное, одним словом. Приказ так приказ, надо выполнять. Ну, убьют, получишь пулю, и все тут. О чем тут еще говорить?.. Просто вся эта война людям за четыре года надоела до смерти. А чтобы каких-то там разговоров или еще чего-то такого - ничего этого не было. Паники никакой не было. Шли как на работу».

Плацдарм «Эрленгоф» связывала с восточным берегом Одера лодочная переправа, но всякое движение днем запрещалось. Используя господствующие высоты, артиллерия и минометы V горнопехотного корпуса СС держали пути подхода и подвоза под обстрелом. Всю первую половину апреля действовали разведгруппы (10-40 человек) из частей 391-й охранной дивизии. За первую декаду месяца в полосе 119-го укрепрайона немцы предприняли более десяти разведпоисков [16, д. 167, л. 101-101 об.]. С 6 апреля в них стали участвовать и власовцы. Смешанные русско-немецкие группы отправлялись к передовой плацдарма «Эрленгоф» и на восточный берег Одера. Так, например, в 2.30 ночи 6 апреля группа из пяти разведчиков, переправившись на восточный берег, ворвалась в землянку, которая не имела боевого охранения. Из трех спящих в укрытии красноармейцев один был убит, двое взяты в плен. Но при конвоировании младший сержант А. И. Чупраков застрелил из спрятанного пистолета одного власовца и, воспользовавшись суматохой, скрылся. Второго пленного - красноармейца Шевнина - разведчики противника закололи на месте армейским ножом и под обстрелом вернулись на свой берег. В 5.30 9 апреля группа из десяти власовских разведчиков напала на командный пункт (КП) 4-й роты 415-го батальона и попыталась забросать его гранатами. Но власовцев засекли еще на подходе и с боем заставили отступить. Потери 4-й роты составили: 1 убитый и 7 раненых. Власовцы потеряли гранатомет и 8 ручных гранат [Там же, л. 104; д. 90, л. 51].

Командир 2-го полка 1-й дивизии подполковник В. П. Артемьев (в 1943 г. - гвардии майор, командир 46-го гвардейского кавалерийского полка 13-й гвардейской кавалерийской дивизии 33-й армии Западного фронта) после войны утверждал, что власовцам все-таки удалось захватить одного пленного. После допроса Буняченко и Артемьевым его отправили в обоз 2-го полка, где пленный служил до роспуска дивизии 12 мая. После отступления дивизии из Праги 8 мая пленный явился к командиру полка и попрощался с Артемьевым, пояснив, что возвращается к своим: «Простите, господин подполковник, хочу, чтобы по-хорошему... другой дороги нет, пойду обратно... Авось не допытаются, что был у вас... Войне конец - пойду. Ведь там у меня жена, дети дома остались... Жаль только, что рассказывать нельзя будет никому, чего у вас насмотрелся - непременно посадят» [3, с. 58-59]. Документы ЦАМО подтверждают: 10 апреля разведгруппа противника на восточном берегу Одера в расположении 1-й роты 415-го батальона захватила сержанта И. В. Бровкина и доставила его через Одер к своим [16, д. 167, л. 105].

Из немецких документов следует, что в марте 1945 г. на сторону немцев и власовцев в полосе группы армий «Висла» перебежали 18 красноармейцев, а в первой декаде апреля противнику удалось захватить несколько пленных, в первую очередь в результате активных действий разведчиков из дивизии Буняченко и 1604-го отдельного русского полка (*Grenadierregiment 1604., russische*) полковника И. К. Сахарова [24, S. 173-174]. Из власовской дивизии 11 апреля в 11.30 на сторону советских войск в полосе 119-го укрепрайона перебежал один рядовой [14, д. 90, л. 53]. Солдат разведывательного дивизиона 1-й дивизии С. А. Дичбалис, посланный в те дни наблюдать за советским передним краем, позднее вспоминал, как он «чувствовал душой и телом - эти люди не будут смотреть на нас, как на братьев по несчастью, а уничтожат при первой возможности, попадись мы к ним в руки» [5, с. 99]. Позднее на Одере полк Сахарова вошел в состав дивизии Буняченко в качестве 4-го пехотного полка.

Подполковник Ф. В. фон Нотц характеризовал Буняченко как сильного командира, производившего впечатление, и способного лидера для своих подчиненных. Поэтому командир полка «Потсдам» зря удивился, узнав, что Буняченко потребовал от командования 9-й армии провести артподготовку накануне операции и выпустить по плацдарму «Эрленгоф» не менее 28 тыс. снарядов и мин [25, S. 2]. Штурмовые батальоны начали выдвигаться на исходные позиции атаки вечером 12 апреля. На направлении главного удара 2-го полка (с севера) 2-й батальон капитана Дмитриева был усилен 2-й ротой 1-го батальона 3-го пехотного полка подполковника Г. П. Александрова (настоящая фамилия - Рябцев, в 1941 г. - майор, командир 539-го стрелкового полка 108-й стрелковой дивизии 44-го стрелкового корпуса, Минский укрепленный район).

Ночь с 12 на 13 апреля прошла спокойно. Очевидцы Ф. В. фон Нотц и Г. Швенninger, историк И. Хоффманн сообщали, что генерал Буссе выполнил обещания, которые дал командиру русской дивизии. По немецким источникам, в «образцовой» артподготовке участвовали 1600-й артиллерийский полк подполковника В. Т. Жуковского (в 1941 г. - капитан, старший помощник начальника разведотдела артиллерийского управления Приморской армии) из дивизии Буняченко (не менее 11 батарей), а также мортирная батарея, батарея дальнобойных орудий, 3-й дивизион 32-го артиллерийского полка СС и два тяжелых зенитных дивизиона (всего не менее 8 батарей) [24, S. 185]. Однако, по советским оценкам, огонь по плацдарму вели не более десяти батарей (вероятнее всего - полка Жуковского). Весь огневой налет продолжался 1 час 15 минут: с 5.45 до 7.00 (по московскому времени). Противник выпустил по плацдарму «Эрленгоф» всего не более 6 тыс. снарядов и мин [16, д. 90, л. 56; д. 166, л. 47-48] вместо обещанных 28 тыс. Атаку власовской пехоты поддерживали 6 самолетов: четыре прикрывали атакующих и бомбили плацдарм в глубине, два - атаковали КП 415-го батальона на восточном берегу Одера и бомбили огневые позиции артиллерии 119-го укрепрайона [Там же]. Однако советские документы не подтверждают версию Хоффманна о поддержке власовцев 26 (!) бомбардировщиками 4-й авиационной дивизии Люфтваффе. В небе над плацдармом барражировали не более шести самолетов, участие которых в боевых действиях ограничилось утренними часами 13 апреля.

Защитники плацдарма технически были готовы к отражению атаки. По состоянию на вечер 12 апреля средняя обеспеченность выстрелами и гранатами на плацдарме составляла 1,5 боекомплекта [Там же, д. 90, л. 54]. Вместе с тем разведка 33-й армии упустила прибытие на фронт 1-й пехотной дивизии, поэтому использование в наступательном бою власовцев оказалось неожиданностью. Операция «Апрельская погода» продолжилась атакой власовской пехоты с севера, со стороны Франкфурта-на-Одере в 6.55 по московскому времени (или в 5.55 по берлинскому), за 5 минут до конца артиллерийского налета.

План Буныченко сводился к проведению отвлекающей и основной атаки: двумя ударами с южного и северного фланга. По сходящимся операционным линиям власовцы намеревались прорваться к лодочной переправе и уничтожить плацдарм. Тем самым устранялась непосредственная угроза Фюрстенбергу. Атака проводилась силами первых батальонов 3-го и 2-го пехотных полков. 1-й полк полковника Архипова оставался в резерве командира дивизии в 3 км южнее дивизионного КП в Рюзене, а запасной полк находился в дивизионном тылу. Артиллерийский полк занимал огневые позиции в 3-5 км севернее дивизионного КП. Дивизионный КП находился по прямой от переднего края советского плацдарма в 4 км, полковые КП - на расстоянии в 1,5-2 км. Свой командный пункт командир 3-го полка подполковник Александров развернул непосредственно в тылу в километре от атакующих рот. Артемьев не мог этого сделать - с севера наступление велось вдоль Одера, и полковой КП попал бы под огонь с восточного берега. КП 2-го полка отделялся от атакующего усиленного 1-го батальона затопленной излучиной. Так как в обход излучины от КП до боевых порядков батальона было более 3 км, это обстоятельство, вероятно, несколько затрудняло управление боем.

На южном, вспомогательном Фюрстенбергском, направлении правый фланг 4-й роты капитана В. А. Стекольщикова атаковали до двух рот из 1-го батальона капитана Ю. Б. Будерацкого, принадлежавшего к 3-му полку власовской дивизии. Среди стрелков находились гранатометчики, пулеметчики, огнеметчики. Выдержав сильный огонь защитников плацдарма, взвод власовцев преодолел частично разрушенную линию проволочных заграждений и ворвался в первую траншею. Вспыхнула рукопашная схватка. Однако после усиления пулеметного огня штурмовой взвод был принужден оставить окоп, две поредевшие роты залегли перед проволочными заграждениями. В резерве Александра под деревенькой Фогельзанг еще находился свежий 2-й батальон, но вводить его в бой не имело смысла. Мало того, что роты толпились одна в затылок другой и упирались в подразделения, прижатые огнем к земле и лежавшие перед проволокой, с восточного берега батальон подвергался систематическому обстрелу с позиций 16-го отдельного артиллерийско-пулеметного батальона. Примерно до 10.00 утра по московскому времени солдаты и офицеры 3-го полка еще вели активную перестрелку с 4-й ротой 415-го батальона. Затем Александров принял решение оттянуть свои подразделения на исходные позиции. Атака на южном направлении захлебнулась.

На северном участке 2-го полка к 9.00 по московскому времени власовцы вели активный огневой бой, но атаку пока не начинали. К тому времени на восточный берег Одера с плацдарма ушло первое тревожное донесение: «Мы его (противника - *К. А.*) держим... много раненых и убитых, связь постоянно рвется, нет боеприпасов и снарядов» [Там же, д. 167, л. 108-109]. В 9.30 по московскому времени с севера (на Франкфуртском направлении) левый фланг 2-й роты капитана М. В. Беднякова был атакован силами до двух рот 1-го батальона майора М. П. Золотавина (на 1920-1921 гг. - штабс-ротмистр Русской армии) из состава 2-го полка. Атаку поддерживали полковая артиллерия и минометы.

В журнале боевых действий 33-й армии есть запись о применении здесь 12 танков и нескольких САУ [6, с. 105]. Однако такое использование тяжелой бронетехники на участке длиной всего 2 км и шириной от 260 до 500 метров, без возможности маневра, под сильным фланговым огнем с восточного берега Одера представляется маловероятным. Можно предположить, что атаку 2-го полка поддерживала танковая рота разведдивизиона майора Б. А. Костенко (2-3 танка Т-34). Еще одна танковая рота в то время находилась на охране мостов [13]. Но боевые и политические донесения штаба 119-го укрепрайона в штаб 33-й армии, подробно описывая бой, силы и средства противника, ничего не сообщают нам о применении танков или САУ. Если их участие и имело место, то явно незначительное. Единственным документальным подтверждением бронетанкового сопровождения может служить итоговое донесение штаба 119-го укрепрайона № 068 на 16.00 14 апреля 1945 г. В нем упоминается «повреждение» танка [16, д. 90, л. 57]. Об использовании танков ничего не сообщили советский, немецкий и два власовских командира: Лихов, Нотц, Артемьев и Архипов.

На франкфуртском направлении к 10 утра по московскому времени были серьезно повреждены проволочные заграждения, уничтожены три орудия 45 мм, несколько пулеметов, огонь власовцев вывел из строя почти полностью три взвода защитников «Эрленгофа» [Там же, д. 167, л. 107]. Два взвода власовцев ворвались в первую траншею, вклинившись на 300 метров вглубь плацдарма, выбили с позиции взвод 2-й роты и заняли ее. Но развить атаку не удалось. Решительное сопротивление противнику оказали командир пулеметного взвода 415-го батальона, выпускник Омского пехотного училища (1942 г.) старший лейтенант И. Ю. Закон и семь пулеметчиков. Кинжальным огнем они прижали власовцев к земле и сорвали атаку на вторую траншею. В короткий миг передышки власовцы, видимо, посчитав, что это самое удобное время и место для антисоветской агитации, попытались распропагандировать своих врагов. Началось выкрикивание политических лозунгов. Однако, в соответствии с политдонесением, член ВКП(б) с декабря 1944 г. Исаак Юдкович Закон безапелляционно ответил: «У нас предателей родины нет», далее «бойцы его дружно поддержали и вновь открыли огонь по предателям родины» [Там же, л. 123].

Все-таки положение для двух рот 415-го батальона продолжало сохраняться напряженным. В 9.40 на восточный берег ушло второе донесение о больших потерях и отправке в траншею ординарцев

командиров [Там же, л. 110-111]. По утверждению фон Нотца, в эфире постоянно раздавались призывы с плацдарма о немедленной помощи, обращенные к восточному берегу [25, S. 3]. К 10.00 по московскому времени положение в целом стабилизировалось: на юге атака захлебнулась, на севере власовцы вклинились вглубь советской обороны на 300 метров и удерживали примерно стометровый отрезок первой линии траншей, периодически обстреливая лодочную переправу. По утверждению зарубежных исследователей, а также подполковника В. П. Артемьева, на том операция на плацдарме «Эрленгоф» и завершилась. Не желая продолжать штурм, Буняченко приказал выводить батальоны из боя [3, с. 66-67; 24, S. 188-189]. Однако выявленные нами документы позволяют говорить, что бой на плацдарме продолжался не 4 часа, а 13, причем, по свидетельству штаба 119-го укрепрайона, все атаки власовцев «носили яростный характер» [16, д. 97, л. 46]. Во второй половине дня 13 апреля роты 2-го и приданная им рота 3-го пехотных полков провели еще четыре атаки на франкфуртском направлении против 2-й роты 415-го батальона, пытаясь прорваться ко второй линии траншей с севера. Все атаки рота Беднякова отразила [Там же, л. 67]. Артемьев использовал против защитников плацдарма на своем участке саперную и 5 пехотных рот. Утром и днем 13 апреля генерал Лихов перебрисил на плацдарм с помощью лодочной переправы по одной роте из 16-го и 356-го отдельных артиллерийско-пулеметных батальонов, а также взвод разведроты 119-го укрепрайона. Артиллерийское прикрытие плацдарма с восточного берега Одера осуществляли дивизионы 415-го, 356-го и 16-го батальонов, не считая артиллерии, непосредственно подчинявшейся штабу укрепрайона [Там же, д. 90, л. 56].

Захваченный отрезок траншей на протяжении утра, дня, вечера 13-го и ночи 14 апреля удерживала рота капитана Золотавина из 2-го пехотного полка и приданная ей рота 1-го батальона капитана Бударцацкого из 3-го пехотного полка. Только в 6.30 утра по московскому времени 14 апреля, после короткого артиллерийского налета, пополненная и усиленная 2-я рота 415-го батальона стремительной контратакой заставила власовцев оставить захваченную траншею и вернуться на исходные позиции. Контратаку возглавляли два командира: старший лейтенант И. Ю. Закон и командир батареи 76 мм орудий 415-го батальона капитан Г. А. Бабенко. Интересно, что за весь бой 13-14 апреля к защитникам плацдарма со стороны власовцев не было ни одного перебежчика. Лишь при контратаке на рассвете 14 апреля попали в плен двое рядовых из 2-й роты 3-го полка, которые из-за полученных ранений не успели отступить со всеми [6, с. 105]. Их дальнейшую судьбу трудно назвать счастливой.

По официальным данным (скорее всего скорректированным, так как характер донесений во время боя говорит в пользу более высоких потерь), защитники плацдарма потеряли убитыми 13 человек, ранеными - 46, в том числе 19 тяжелораненых пришлось эвакуировать в тыл, 13 - направить на излечение в санчасть, 14 человек остались в строю [16, д. 167, л. 123-124 об.; 18, д. 15]. Это потери 415-го батальона. Вопрос о потерях других подразделений - 16-го, 356-го батальонов, взвода разведроты 119-го укрепрайона - остается открытым. Власовцы уничтожили 3 орудия 45 мм и орудие 76 мм, 8 станковых и 4 ручных пулемета, советские бойцы потеряли 22 винтовки [16, д. 166, л. 48]. К наградам за бои 13-14 апреля командование представило 168 бойцов и командиров 415-го батальона, из которых 92 человека являлись беспартийными [Там же, д. 167, л. 124 об.]. Главный герой обороны плацдарма, старший лейтенант И. Ю. Закон приказом штаба 33-й армии № 098/н от 12 мая 1945 г. был награжден орденом Отечественной войны I ст. [17, д. 1].

Точные сведения о потерях 2-го и 3-го пехотных полков 1-й пехотной дивизии до сих пор не установлены, офицер связи Вермахта майор Г. Швеннингер подтверждает, что они были значительными [24, S. 190]. Историки С. В. Ермаченков и А. Н. Почтарёв определяют потери власовцев в двух полках до 30% [9, с. 96], то есть суммарно до тысячи убитыми, ранеными и пропавшими без вести, что представляется нам нереальным. Опираясь на показания захваченного в плен рядового 2-й роты 1-го батальона 3-го власовского полка, который оценил потери в наступавших ротах в пределах 35-40% [16, д. 90, л. 57], общие потери 3-го полка на южном направлении, где атаковали две роты, можно определить приблизительно в 90 человек. Потери 2-го полка Артемьева и приданной ему одной роты 3-го полка оказались самыми большими. На северном направлении активно сражались 6 рот, общие потери могли составить до 250 человек. В итоге общие потери 1-й пехотной дивизии власовской армии за тринадцатичасовой бой 13-14 апреля 1945 г., по нашим расчетам, составили 340-350 солдат и офицеров убитыми, ранеными и пропавшими без вести, включая двух пленных. Эта цифра совпадает с данными штаба 119-го укрепленного района: авторы советского донесения оценили общие потери власовцев в 350 человек [Там же].

Власовцы потеряли до 20 пулеметов. Но трофеи защитников плацдарма были невелики: на южном участке они отсутствовали, а на северном - командиры 2-й роты 415-го батальона захватили лишь по два пулемета, 18 противогазов и до 4 тыс. винтовочных патронов [Там же]. Атаку власовцев наблюдали подполковник Ф. В. фон Нотц, полковник Харбрехт и 12 венгерских добровольцев. После боя они подобрали на поле боя несколько десятков единиц ручного огнестрельного оружия [25, S. 3]. Подобранные ими оружие и амуниция принадлежали раненым и убитым 2-го и 3-го полков. Нотца раздражал тот факт, что власовцы имели лучшее вооружение и снаряжение по сравнению с юнкерами полка «Потсдам». Его командир также полагал вполне возможным занять плацдарм, сбросив его защитников в Одер между 8 и 10 часами утра (по берлинскому времени) 13 апреля. Нотц не понимал, почему Буняченко, Артемьев и Александров нещадно не бросали в бой роту за ротой, раз у них такое хорошее вооружение и общее соотношение сил с противником 8:1 в пользу власовцев. Свои эмоции Нотц выразил кратко: «...в конце уже проигранной войны войска Власова не особенно серьезно рвались в атаку» [Ibidem, S. 2-3].

В действительности соотношение сил на плацдарме «Эрленгоф» в начале атаки было чуть больше, чем 2:1 в пользу власовцев и практически равным к середине дня. Учитывая абсолютное превосходство советских

войск в артиллерии, а также невыгодную географию местности, претензии Нотца можно назвать безосновательными. Соотношение потерь владовцев и защитников плацдарма представляется в среднем как 5:1. Если же официальные советские данные о потерях занижены, то соотношение станет еще меньшим. Наконец, при артиллерийской подготовке операции «Апрельская погода» ранним утром 13 апреля было использовано в 4,5 раза меньше снарядов и мин, чем просил Буняченко.

В бою 13-14 апреля 1945 г. советские военнослужащие 415-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона успешно отразили неоднократные атаки противника и удержали важный плацдарм. Командование 9-й полевой армии Вермахта и 1-й пехотной дивизии владовской армии не достигли поставленной цели. В то же время части Буняченко показали неплохие качества, добившись в первый день операции частного успеха там, где его не могли добиться немцы на протяжении двух месяцев. Однако с учетом географии театра военных действий и абсолютного господства советской артиллерии, надежно прикрывавшей плацдарм, решить поставленную задачу Буняченко не мог. 14 апреля в дневнике боевых действий штаба ОКВ появилась сухая запись: атаки «примененных на нашей стороне русских сил» не достигли поставленной цели, но они продемонстрировали «готовность этих сил к наступлению» [24, S. 192]. Свою боееспособность 1-я пехотная дивизия в еще большей степени показала во время упорных боев в Праге против войск Вермахта и частей СС во время драматического Пражского восстания 5-8 мая 1945 г.

Список литературы

1. Александров К. М. Армия генерал-лейтенанта А. А. Власова (1944-1945): материалы к истории Вооруженных Сил КОНР. СПб.: Типография СПбГУ, 2004. 256 с.
2. Александров К. М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А. А. Власова (1944-1945): биографический справочник. Изд-е 2-е. М.: Посев, 2009. 1120 с.
3. Артемьев В. П. Первая дивизия РОА: материалы к истории Освободительного движения народов России (1941-1945). Лондон - Канада: Изд. СБОНР, 1974. 182 с.
4. Архипов А. Д. Воспоминания командира 1-го полка 1-й дивизии ВС КОНР: машинопись. 1959 // Bundesarchiv-Militärarchiv (BA-MA). Sammlung Vladimir Pozdniakoff. Militärgeschichtliche Sammlungen (MSG.) 149/6. Streitkräfte des Komitees zur Befreiung der Völker Rußlands (VS KONR).
5. Дичбалис С. (Дубов А.) Детство, отрочество, юность не по Льву Николаевичу Толстому: изменники или патриоты? СПб.: Сатис, 1995. 208 с.
6. Дробязко С. И. Восточные войска и Русская освободительная армия: из журнала боевых действий 33-й армии 1-го Белорусского фронта // Материалы по истории Русского освободительного движения / под общ. ред. А. В. Окорочкова. М.: Грааль, 1997. Вып. 1.
7. Дробязко С. И. Локотской автономный округ и Русская освободительная народная армия // Там же. М.: Архив РОА, 1998. Вып. 2.
8. Дробязко С. И. Под знаменами врага: антисоветские формирования в составе германских Вооруженных Сил (1941-1945). М.: Эксмо, 2004. 608 с.
9. Ермаченков С. В., Почтарёв А. Н. Последний поход владовской армии // Вопросы истории. М., 1998. № 8.
10. Кёстринг Э. А. Власов: машинопись. 1946. Январь. // BA-MA. MSG. 149/48.
11. Квицинский Ю. А. Генерал Власов: путь предательства. М.: Современник, 1999. 320 с.
12. Окорочков А. В. Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны / отв. ред. Д. Н. Филипповых. М.: Изд. Военного ун-та, 2000. 176 с.
13. Письмо башенного стрелка-радиста танка «Т-34» разведдивизиона 1-й пехотной дивизии ВС КОНР В. А. Комарова К. М. Александрову от 5 сентября 1999 г. // Личный архив Александрова К. М. (JAA).
14. Поздняков В. В. Андрей Андреевич Власов: сб. материалов. Sygacuse - Buenos Aires: Sembrador, 1973. 488 с.
15. Решин Л. Е. Коллаборационисты и жертвы режима // Знамя. М., 1994. № 8.
16. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 2352. Оп. 1.
17. Там же. Оп. 290288.
18. Там же. Ф. 74516. Оп. 1.
19. Центральный архив Федеральной Службы Безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ). Коллекция архивно-следственных материалов МГБ СССР Н-18766.
20. Andreyev S. Vlasov and the Russian Liberation Movement. Soviet Reality and Émigré Theories. Cambridge University Press, 1987. 254 p.
21. Auský S. A. Vojska generála Vlasova v Čechách / 2 roz. vydání. Vyšehrad: Typografie Bob Rakušan, 1996. 280 S.
22. Dallin A. German Rule in Russia 1941-1945: a study of occupation policies. London - N. Y.: Macmillan and Co. Ltd.; St. Martin's Press, 1957. 695 p.
23. Fischer G. Soviet Opposition to Stalin: a case study in World War II. Cambridge - Mass.: Harvard University Press, 1952. 230 p.
24. Hoffmann J. Die Geschichte der Wlassow-Armee / 2., unveränderte Auflage. Freiburg im Breisgau: Rombach Verlagshaus KG, 1986. 468 S. XVIII b. a.
25. Hoover Institution Archives. Stanford University (HIA). Collection A. Dallin. Box 6. Notz F. W. von. Bericht über den Angriff Der 1. Wlasoff-division am 13.04.1945. im Abschnitt der Deutschen 391 Sicherungsdivision (Kriegsschulregiment «Potsdam») gegen den Sowjetischen Brückenkopf «Erlenhof» 30 Kilomener sudisch Frankfurt / Oder. Maschinenschreiben.
26. Ibidem. Collection S. A. Auský. Box 2. Folder Schwenninger. Schwenninger H. Bericht über die Ereignisse um die 600. Inf. Div. (russ.). Maschinenschreiben vom 4 Jan. 1951.
27. Reitlinger G. The House Built on Sand. The Conflicts of German Policy in Russia 1939-1945. London: Weidenfeld and Nicolson, 1960. 460 p.

FIGHTING AT ODER SPRINGBOARD “ERLENHOF” ON THE 13TH-14TH OF APRIL 1945: LAST VOLLEYS OF CIVIL WAR?

Kirill Mikhailovich Aleksandrov, Ph. D. in History
*Encyclopedic Department
Institute of Philological Researches
St. Petersburg State University
aleksandrov_k@inbox.ru*

The article describes the little known battle southward of Frankfort on the Oder on the 13th-14th of April 1945 during which Soviet citizens were fighting on both sides when the war was coming to an end: the soldiers of the first Byelorussian front against the servicemen of the 1st infantry division of Vlasov's army. The author pays special attention to the operation goals, the parties' forces, to the character and the results of the armed struggle which finished with the victory of the springboard defenders, state restoration and stopping the enemy's attacks.

Key words and phrases: the first Byelorussian front; Oder; springboard “Erlenhof”; the 33rd army; the 119th fortified area; Vlasov's army; Russian liberation army; the 1st infantry division; “April weather”; Bunyachenko; Kholodkov; Fürstenwalde.

УДК 93/94

Статья раскрывает специфику привлечения к труду в годы Великой Отечественной войны в различные отрасли народного хозяйства ранее не работавших дальневосточниц, обеспечения их местами в учреждениях социальной инфраструктуры, а также снабжения продуктами питания детских учреждений Дальнего Востока и т.п.

Ключевые слова и фразы: трудовая мобилизация; женская рабочая сила; женские и детские консультации; молочные кухни; детские карточки; эвакуация.

Ирина Александровна Арефьева, к.и.н.
*Кафедра истории и культуры
Дальневосточная академия государственной службы
irinaali@mail.ru*

ТРУДОВАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНИЦ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ[©]

События, связанные с началом Великой Отечественной войны, сразу изменили положение в Дальневосточном регионе. В военкоматах развернулся призыв военнообязанных граждан и прием заявлений от добровольцев. Предприятия региона стали перестраиваться на выпуск военной продукции. В связи с уходом мужчин на фронт повсеместно ощущался острый дефицит рабочей силы. Для решения проблемы требовались радикальные меры правительственного уровня. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 г. «О мобилизации трудоспособного городского населения для работы на производстве и в строительстве» объявил мобилизацию мужчин в возрасте от 16 до 55 лет и женщин от 16 до 45 лет, не занятых общественно-полезным трудом [11, с. 64]. Таким образом, во время Великой Отечественной войны была развернута мобилизация всего трудоспособного населения, в том числе и ранее не работавшего в государственных учреждениях и на предприятиях. Фактически среди мобилизованных преобладали мужчины преклонного возраста и женщины различных возрастов.

По мере продолжения войны потребность в рабочих руках возрастала. Всего в ноябре 1943 г. по Хабаровскому краю было призвано только 127 человек из 220 подлежащих призыву, это означало, что задание по мобилизации рабочей силы было выполнено лишь на 57,7%, и немногим позже количество мобилизованных увеличили до 171 человека [10, д. 1, л. 103]. Их распределяли по отрядам военизированной охраны (ВОХР), ими же укомплектовывали отряды управления государственных материальных резервов (ГУГМР, УГМР) [Там же, л. 110]. Охраняли материально-технические склады глубокие старики и женщины. На сельскохозяйственные работы в совхозы и колхозы края планировалось мобилизовать 30 380 человек, фактически мобилизовали 35 644 [Там же, л. 113].

Трудовая мобилизация сопровождалась иногда так называемыми «перегибами», когда к работе привлекали женщин, имевших детей до двух лет, которые к тому же не имели других членов семьи, способных присмотреть за ними [2, с. 122]. Комитет по учету и распределению рабочей силы при Совнаркомом СССР констатировал факты «извращений» при проведении мобилизации сельского населения для работы на производстве и в строительстве, а именно то, что были привлечены на металлокомбинаты женщины с детьми, к работе на шахтах привлекались беременные женщины, а на лесозаготовки женщины с малолетними детьми.